

С.Б. Бернштейн и Общеславянский лингвистический атлас¹

XX век вошел в историю славистики двумя капитальными международными проектами – праславянской лексикографией («Праславянским словарем» польских ученых и «Этимологическим словарем славянских языков» – российских) и Общеславянским лингвистическим атласом. Эти проекты относятся к числу «долгосрочных», однако, несмотря на свою незавершенность, они позволили читателю прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание» времени.

Идея создания Атласа возникла в начале XX в., когда пришло осознание ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений, и стало очевидно, что эмпирические наблюдения над историей отдельных славянских языков имеют атомарный характер и требуют своей систематизации и интерпретации в пространственно-временном аспекте. Именно поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «Projet d'un Atlas Linguistique Slave», в котором поставил вопрос о необходимости создания атласа с целью изучения славянских языков методами лингвогеографии. В этом докладе С. Б. Бернштейн особо выделил один чрезвычайно важный, с его точки зрения, пункт. «Французские ученые предлагали рассматривать славянский диалектный континуум в аспекте **единого языка**. Таким образом, в докладе речь шла не о славянских языках, не об атласе различных славянских языков, а о едином славянском языковом атласе. К этому их толкала и привычная ситуация для германских и романских языков, где диалектные различия внутри одного языка сплошь и рядом глубже диалектных различий самостоятельных славянских языков» (Бернштейн 1990: 6).

Однако в тот период «еще недостаточно ясно осознавалось различие между лингвогеографическим изучением каждого и в конечном итоге всех славянских языков, с одной стороны, и Общеславянским лингвистическим атласом как работой нового типа, охватывающим целую семью родственных языков, имеющим свой собственный объект исследования, отличный от объекта национальных атласов – с другой. Кроме того, общая политическая обстановка 30-х годов в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития» (Ава-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-00011а).

несов 1978: 5)². И только лишь спустя десять лет после окончания Второй мировой войны этот проект вновь стал предметом обсуждения. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве, с докладами о создании Общеславянского лингвистического атласа выступили З. Штибер «О projekcie Ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego» и Р.И. Аванесов и С.Б. Бернштейн «Лингвистическая география и структура языка».

Следует отметить, что уже при написании этого доклада между Р.И. Аванесовым и С.Б. Бернштейном возникли разногласия. «Один докладчик главную задачу видел в том, чтобы с помощью будущего атласа выяснить вопрос об отношении лингвистической географии к проблемам структуры языка. Основное внимание другого докладчика было направлено на конкретные проблемы сравнительной грамматики славянских языков. Практически различия сводились к следующему: один докладчик хотел выяснить на материале славянских языков одну из общих проблем теоретического языкознания; другой же стремился решать конкретные проблемы из истории славянских языков. Выход был найден: первую часть доклада писал один докладчик, вторую часть — другой» (Бернштейн 1990: 10).

Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд принял решение развернуть работу над Общеславянским лингвистическим атласом и рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка Вопросника Атласа, его Программы. Работа эта велась в острой дискуссионной форме. Предметом дискуссий был вопрос о принципах составления Вопросника Атласа, о количестве охватываемым им населенных пунктов, о транскрипции ОИА, о принципах сбора материала и т.д.

Разногласия участников международной комиссии Общеславянского лингвистического атласа выявились особенно четко после доклада С.Б. Бернштейна на первом заседании этой комиссии в 1959 г. в Варшаве.

Основные положения этого доклада сводились к следующему (доклад не был опубликован, поэтому приведу его краткие тезисы, изложенные самим С.Б. Бернштейном):

«Между участниками предстоящей работы над ОИА имеются известные расхождения. Однако они преодолимы, так как все признают, что между атласами отдельных славянских языков и ОИА имеются весьма существенные отличия. На съезде в Москве выявить эти различия нам не удалось. Теперь в Варшаве главная задача состоит в четком выявлении этих различий. От этого зависит вся дальнейшая работа. Если с этой задачей мы не справимся, все

² С.Б. Бернштейн указывает и еще на одну причину, по которой этот проект не получил признания – идеологическую: на закрытом заседании советской делегации Н.С. Державин решительно выступил против участия советских ученых в совместной работе с зарубежными лингвистами, отрицающими новое учение о языке Н.Я. Марра. Н.С. Державина поддержали Н.М. Каринский и руководитель делегации литературовед П.Н. Сакулин.

наши планы рухнут. Зачем создавать ОЛА, если его карты будут повторять карты атласов самостоятельных славянских языков? Это очевидно.

1. Составители лингвистических атласов славянских языков уделяют большое внимание национальной атрибуции фактов. Польский диалектолог включает в атлас те карпатские говоры, которые, по его мнению, являются говорами польского языка. Аналогично поступают диалектологи других славянских языков. В нашем случае национальная атрибуция лишена всякого смысла. Мы изучаем не русские, польские, болгарские и т. д., а **славянские говоры**. Таким образом, мы имеем дело не с национальной атрибуцией, а с этнической атрибуцией (славянское противопоставляется неславянскому). Так понимали задачу Славянского лингвистического атласа первые его создатели. В этом пункте мы должны вернуться к ним. Допускаю, что читателя ОЛА сможет заинтересовать национальная атрибуция отдельных диалектных признаков или изоглосс. В этом случае он может воспользоваться калькой, на которой должны быть указаны государственные границы. Если эта информация читателя не удовлетворит, он должен обратиться к национальным атласам. Таким образом, карты ОЛА на карте Европы обособляют славянский языковой мир и показывают его диалектные типы, поэтому на картах ОЛА государственных границ не будет (см. также выступление С.Б. Бернштейна на презентации первого тома Общеславянского лингвистического атласа: Бернштейн 1993: 212).

2. Вся наша работа в области лингвистической географии шла в плане диахронического языкознания. Наши национальные атласы дают новый и весьма ценный материал для изучения истории национальных славянских языков. Именно этому подчинена вся наша деятельность в области диалектологии. Об этом же мы говорили и на прошлогоднем съезде славистов. В этом аспекте мы не делали различий между национальными славянскими атласами и ОЛА. Теперь я думаю иначе. Конечно, и в работе над ОЛА мы будем иметь дело с диахронией. Однако в отличие от обычных национальных атласов ОЛА требует от нас особого внимания к синхронно-функциональному аспекту. Думаю, что именно здесь идет главный различительный признак ОЛА от национальных атласов, так как составители частных славянских атласов проходили мимо проблем типологии.

3. У нас большой опыт в области лингвистической географии. Однако теперь перед нами поставлена совершенно новая задача, решить которую прежними приемами нельзя. Многое будет решаться теперь иначе. В каком-то смысле мы будем проходить ученический период. Поэтому целесообразно всю работу над ОЛА поделить на два этапа. О чем конкретно идет речь? Сначала целесообразно начать работу над пробным томом ОЛА и лишь после его завершения – работу над основным трудом.

4. Транскрипция. У славистов-диалектологов единой транскрипции нет. Нет сомнений в том, что в ОЛА должна быть единая фонетическая транскрипция. Тут возникает ряд вопросов. Конечно, транскрипция ОЛА должна

строиться на основе латинского письма. Подобная транскрипция широко применяется восточнославянскими и южнославянскими диалектологами, тогда как западнославянские диалектологи никогда кириллицей не пользуются. Имеется еще один аргумент. Все праславянские реконструкции в любой стране осуществляются на основе латинского алфавита. Необходимо решить еще один существенный вопрос: в какой степени в ОЛА будут учитываться фонологические противопоставления? Будет ли нужна не только в фонетической транскрипции, но и в фонологической?

5. Число населенных пунктов. В Москве на съезде называли очень большую цифру. Реалистичнее предложение З. Штибера — 350 пунктов. Для пробного тома ОЛА можно было бы установить 150.

6. Вопросник. Большая, трудная и весьма ответственная работа. Нужно ли включать в вопросник ОЛА вопросы, представленные во всех национальных атласах? Уверенно ответить на этот вопрос трудно. Нужно всесторонне его обсудить. В какой степени при подготовке карт ОЛА можно и нужно использовать материал национальных атласов?

7. На Московском съезде славистов широко обсуждали вопрос о роли и месте в ОЛА неславянских языков. Здесь нужно различать два явления: неславянские языки (румунский, венгерский и др.) и славянские говоры на территории неславянских государств. Очевидно, что мимо данных фактов пройти нельзя».

Доклад С.Б. Бернштейна вызвал острую дискуссию. После этого доклада (особенно положений о национальной атрибуции лингвистических фактов) инициативная группа раскололась на два лагеря. Как пишет С.Б. Бернштейн, «проф. В. Дорошевский решительно и темпераментно выступил против всех положений моего доклада. «Если будут приняты положения доклада проф. Бернштейна, — сказал он, — я и члены моего коллектива не будем принимать участия в работе над ОЛА» (Бернштейн 1990: 6–15).

Следует отметить, что этот вопрос остается болезненным до сих пор, и в истории ОЛА был период, когда вопрос о национальной атрибуции диалектного материала, собранного в славянских диалектах на территории Греции и Турции, и соответственно самих этих пунктов стал причиной международного конфликта, приведшего к выходу болгарской национальной комиссии из этого международного проекта (в настоящее время после 25-летнего периода отсутствия болгарская национальная комиссия вновь возвратилась в Атлас). Между тем, как представляется, этот вопрос является важным, особенно при изучении материала, собранного в переселенческих говорах на территории Венгрии, Румынии, Австрии, в которых вследствие сопротивления инодиалектному влиянию до сих пор сохраняются элементы архаики.

Другой, не менее болезненный вопрос — это вопрос о задачах атласа. С самого начала основания проекта С.Б. Бернштейн настаивал на синхронно-типологической или синхронно-функциональной ориентации Атласа. Именно в этом, с его точки зрения, заключается главное отличие ОЛА от национальных

атласов. Однако именно этот синхронно-функциональный аспект, по его мнению, не учитывался при разработке Программы и соответственно Вопросника Атласа. Я позволю себе процитировать пассаж из его статьи, посвященной критическому разбору проекта Общеславянского лингвистического атласа, тем более что речь идет о моей работе.

«Интерес к проблемам структурной типологии в славянском языкознании наступил **после определения задач** ОЛА, после создания Вопросника. В области структурной типологии работа шла параллельно и независимо от работы над ОЛА. Да иначе и быть не могло, так как ОЛА с самого начала был ориентирован на диахроническое языкознание. Приведу один пример. За последние годы сотрудница коллектива ОЛА Т.И. Вендина опубликовала несколько интересных статей, посвященных функционированию именных суффиксов в современных славянских языках. Она справедливо пишет: «...функциональный подход к изучению славянского именного словообразования свидетельствует о том, что, несмотря на базисное единство основного корпуса словообразовательных средств, унаследованных еще из праславянской эпохи, в функциональном использовании этих общих для всех славянских языков суффиксов в каждом славянском языке или группе языков имеются свои особенности. Наряду с типологически сходными функциональными признаками, славянские языки демонстрируют бесконечную вариативность, отклонения, несовпадения в их употреблении, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков – общность не статическая, а динамическая» (Вендина 1988₁: 173). Еще более четко эта мысль изложена в другой ее статье: «Расхождения славянских языков с точки зрения функционального использования общеславянских аффиксов для типологии и классификации славянских языков имеют значительно большее значение, чем различия инвентарные, так как они помогают воссоздать с наибольшей достоверностью и убедительностью общую картину процесса развития словообразовательных систем славянских языков и в конечном итоге определить самобытность и оригинальность каждого славянского языка в отдельности» (Вендина 1988₂: 157). Четкое и ясное понимание задач в данном случае вопло в противоречие с материалом и с общими заключениями. Все дело в том, что Вендина вынуждена была опираться на материал, зафиксированный в словарях, в диалектологических описаниях, в грамматиках литературных языков. Ее характеристики идут на уровне языков, а не диалектов. В статьях Вендиной находим общие характеристики славянских языков без учета особенностей диалектных отличий. Закономерно, что в ее статьях нет карт. Вместе с коллективом ОЛА она была рядом с ценнейшим материалом по именовому словообразованию, но этот материал в ОЛА не фиксировался» (Бернштейн 1990: 14–15).

Сразу отмечу, что этот материал и не мог фиксироваться, так как сведения о функциональной нагрузке (или семантической функции) словообразовательных средств не могут быть получены эмпирическим путем в ходе

сбора полевого материала у диалектоносителей. В качестве примера можно привести карту-схему, иллюстрирующую различия славянских языков в плане функционального объема суф. =nik, его функциональной нагрузки, реализации отдельных значений и семантической ориентации в том или ином значении. Так, в частности, на схеме 1 видно, что дифференциация славянских языков наблюдается с точки зрения **функционального объема** суф. =nik, который в восточнославянских языках используется как мутационный и модификационный; тогда как в западно- и южнославянских языках – лишь как мутационный, его **функциональной нагрузки**, так как в русском, польском, лужицких, чешском, словацком, словенском языках мутационный суф. =nik используется для образования имен с общим значением лица и предметности, реже имен *potína losí*, тогда как в украинском, сербском, хорватском, македонском и болгарском языках он используется в основном для образования имен с общим значением лица и реже – со значением предметности и места; **реализации его значения лица**, так как в русском и западнославянских языках он служит прежде всего для образования имен с общим словообразовательным значением «лицо – носитель предметного признака», тогда как в украинском, белорусском и южнославянских языках – для образования имен со значением «лицо – носитель и предметного, и процессуального признака (см. схему 2); различия прослеживаются и в **семантической ориентации** суф. =nik в значении лица – носителя процессуального признака (т.н. *potína agentis*): если в русском языке он семантически ориентирован на образование имен с процессуально-оценочным признаком (например, *сводник, преступник, изменник*), то в украинском и польском языках – с профессиональным признаком (ср. укр. *бурильник, молотник, різник*; плс. *rysownik, splawnik, walcownik*), а в верхнелужицком – с процессуальным, процессуально-оценочным и профессиональным (ср. *jězdnik, naslědnik, mutnik, škódnik, maznik, řěznik*) и т.д.

Понятно, что все эти сведения невозможно получить в ходе полевой экспедиции, так как не только диалектоноситель, но даже филолог не сможет ответить на вопрос о семантической функции того или иного словообразовательного средства. Ответ на этот вопрос может быть получен только путем кропотливой кабинетной работы, когда ученый имеет дело не с одним словом, а с тысячами слов, анализ которых и позволяет выявить семантическую функцию того или иного аффикса. Это чрезвычайно трудоемкая процедура, предложенная в нашей монографии «Дифференциация славянских языков по данным словообразования». Поэтому, «находясь рядом с материалом» (причем следует особо отметить, что речь идет только о русской картотеке ОИА), я и не могла воспользоваться им.

Между тем этот структурно-типологический подход в Атласе оказался все-таки реализованным. Это произошло позднее, когда коллектив имел дело с материалом подготовленных к печати томов Атласа, когда исследователь может составить представление о материале **всего тома** Атласа, а не отдельного слова.

Поэтому в обеих сериях Атласа – и в фонетико-грамматической и в лексико-словообразовательной – появились структурно-типологические, обобщающие карты, эксплицирующие результаты анализа материала карт всего тома Атласа.

Так, в частности, во всех томах фонетико-грамматической серии ОЛА содержатся структурно-типологические обобщающие карты, репрезентирующие целые фрагменты языковой системы, на которых в обобщенном виде представлена информация, содержащаяся на отдельных картах, посвященных континуантам той или иной праславянской фонемы.

Синтезируя и упорядочивая огромный материал целого тома, эти обобщающие карты являются по своей сути интерпретационными, поскольку на них репрезентируются результаты сопоставления современных континуантов с более ранними, причем факты, не являющиеся продолжением развития собственно праславянских единиц, авторами элиминируются. При этом на картах получают отражение не только рефлексы картографируемых праславянских фонем, но и их позиционное поведение (отношение к ударению, вокальному количеству и консонантному окружению). После тщательного, скрупулезного сравнительно-исторического и лингвогеографического анализа авторами карт материалов всего тома (анализа, который можно сравнить, пожалуй, с работой археологов, последовательно снимающих более поздние напластования) искомая информация предстает на обобщающих картах в «чистом виде», что делает эти карты бесценным вкладом в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Обобщающие карты посвящены исследованию такого, например, вопроса, как влияние консонантного окружения на рефлексацию праславянских вокалов. В большинстве сравнительно-исторических исследований эта информация, как правило, отсутствует или носит эпизодический характер. Между тем карты Атласа продемонстрировали, как важен учет консонантного окружения при изучении рефлексации праславянских гласных, поскольку наличие или отсутствие влияния фонетического контекста может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий. Так, например, изучение связи рефлексации **e* с консонантным окружением позволило сделать следующий вывод: «развитие гласного **e* в масштабах славянского диалектного континуума определялось двумя главными тенденциями, а именно: а) регрессивным ассимилятивным воздействием следующего за **e* мягкого согласного, ведущим к повышению тоновой характеристики гласного (почти все западнославянские, северо-восточные русские диалекты и б) прогрессивным диссимилятивным влиянием предшествующих небных согласных, проявляющимся в понижении тоновой характеристики гласного (оно охватывает значительно меньшую, но более компактную территорию – словацкие, западноукраинские, некоторые южнославянские диалекты)» (Пожарицкая, Попова 1990: 174).

Новой и принципиально важной для сравнительно-исторического языкознания является и информация о влиянии вокального количества на рефлексацию праславянских гласных. На обобщающих картах Атласа, посвященных

рефлексации *ѣ, *ѡ и *ѣ, впервые четко обозначен ареал влияния вокального количества (польские, чешские, словацкие, словенские, сербские и хорватские диалекты) и определен тип влияния – непосредственное (что чаще всего наблюдается в словенских диалектах) и опосредованное (примером такого влияния являются, как правило, польские диалекты). Судьба этих праславянских гласных складывалась по-разному в зависимости от их вокального количества и качества: рефлексы, например, носового *ѡ менее зависимы от вокального количества (Ivič, Logar 1990: 112) – непосредственное влияние наблюдается лишь в отдельных словенских диалектах, чем рефлексы *ѣ, где эта зависимость наблюдается уже в более широком ареале (Ивич, Логар 1990: 170) – практически все словацкие диалекты и отдельные словенские; ср. также рефлексы *ѣ, развитие которого практически во всех этих диалектах зависит от влияния вокального количества (Ивич, Логар 1988: 154).

Предметом картографирования в Атласе стал также вопрос о влиянии ударения на рефлексию праславянских гласных, так как они могут сохранять свое специфическое качество под ударением и без ударения или растворяться в рефлексах других праславянских гласных, ср., например, обобщающую карту “Отношение рефлексии *ѣ к ударению” (Вендина, Калнынь 1988: 152). На карте отчетливо выделяются две группы говоров: 1) **говоры, в которых рефлексия *ѣ зависит от ударения**, так как в них *ѣ сохранил свою специфику лишь под ударением, поскольку без ударения он утратил свою индивидуальность, совпав либо с более широким низким гласным (серболужицкие, значительная часть севернорусских говоров – архангельских, вологодских, костромских, отдельные пункты в среднерусских – новгородских, селигероторжковских, владимирско-поволжских и южнорусских – верхне-днепровских, тульских и восточных; большинство белорусских и украинских севернопольских говоров; из южнославянских – часть словенских – приморских, горенских, белоукраинских и птаерских говоров и отдельные пункты в говорах Эгейской Македонии), либо с более узким высоким гласным (что наблюдается значительно реже и встречается в основном в отдельных русских, словенских, сербских и македонских говорах; 2) **говоры, в которых ударение не влияет на рефлексию *ѣ**, так как в них он либо утратил свою специфику (большинство русских, сербских, хорватских и македонских диалектов, частично белорусских и словенских), либо сохранил ее независимо от ударения (большинство украинских диалектов и отдельные пункты в сербских штокавских говорах).

Типологические фонетико-фонологические карты Атласа репрезентируют и факты сохранения или утраты фонологической индивидуальности праславянской фонемы в ее отношении к другим функциональным единицам фонологической системы праславянского языка независимо от ее современной фонетической реализации. Авторы этой серии карт (Б. Видоески и З. Тополинска) вскрывают сложные отношения континуантов картографируемой фонемы с другими единицами системы вокализма, которые во многих сла-

вянских диалектах возникли вследствие частичного позиционного или факультативного ее совпадения с другими фонемами. Используя специальную систему картографических средств, они показывают развитие взаимодетерминированных рефлексов, передавая хронологически самые ранние совпадения праславянской фонемы с другими единицами частной диалектной системы, дифференцируя объединения с двумя, тремя и даже четырьмя фонемами (см., например, такие карты этих авторов, как «Фонологический статус рефлексов *ě/*ě:» в томе «Рефлексы *ě» или «Фонологический статус рефлексов *ĕ/*ĕ:» в томе «Рефлексы *ĕ» и др.).

Сопоставительный анализ этих структурно-типологических карт ОЛА позволит в будущем «нащупать» механизм развития многих праславянских фонем **и выявить внутренние связи сходных по своим результатам рефлексаций** (например, *ĕ и *ĕ), что в конечном итоге позволит создать типологию фонетико-фонологических систем славянских диалектов. Первые шаги к созданию диахронической типологии были сделаны в докладе сербского ученого П. Ивича «Факторы, которые влияют на развитие гласных в славянских языках» на IX съезде славистов. В своем докладе он поднял вопрос о причинах, вызывающих изменения в системе вокализма славянских языков. Одной из таких причин является тенденция к ее упрощению. И хотя этот процесс в разных славянских языках протекал по-разному, однако определенные закономерности все же прослеживаются. Они связаны с действием главным образом двух факторов – **просодических** (ударение, количество, тон) и **позиционных** (граница слова – начало или конец, качество предшествующего и последующего согласного, а также качество гласного следующего слога). Главными из них, по мнению П. Ивича, являются **ударение** (а точнее безударность), **количество** и **мягкость** соседнего согласного. Причем территориальная дистрибуция этих факторов разная: в восточнославянских языках, как и на восточной окраине южнославянских языков, наблюдается комбинация двух факторов – ударения и мягкости согласного. В западнославянских диалектах наибольшую силу имело количество и мягкость согласного. В словенском языке и ближайших к нему хорватских диалектах существенным было влияние количества и ударения. В кайкавских и чакавских говорах особенно значимо было количество, а ударение оказало небольшое влияние. В штокавских говорах, а также в большинстве македонских и некоторых западноболгарских говорах действия этих факторов практически не наблюдается (Ivić 1983: 1).

Таким образом, материалы фонетико-грамматической серии Атласа являются ярким свидетельством того, что ОЛА дает возможность не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения современных славянских диалектов, выявления типологических особенностей их исторического развития.

Функциональный подход к интерпретации славянского диалектного материала лежит в основе и другой серии карт – грамматической. В настоящее время в Македонии и Словакии ведется работа над томами, посвященными

выявлению сходств и различий славянских языков в системе имен существительных и местоимений. В основе этой серии карт лежит функциональный подход, ибо они призваны показать дифференциацию славянских языков с точки зрения эволюции соотношения формы и функции праславянских морфосинтаксических конструкций, заданных в Вопроснике.

Не менее значимой является структурно-типологическая информация и лексико-словообразовательной серии карт.

Так, в частности, в шестом томе лексико-словообразовательной серии Атласа содержатся интерпретационные **сводные карты (словообразовательные и номинативные)**, цель которых представить в обобщенном виде различия либо в способах номинации, либо в словообразовательных средствах славянских языков. В томе содержатся три таких карты: на одной из них, посвященной деминутивам в славянских языках, в обобщенном виде представлены материалы трех словообразовательных карт – Sl 1185 *dem* ‘ложечка’, Sl 1101 *dem* ‘ножик, ножичек’ и Sl 1145 *dem* (j)aje, – иллюстрирующих распространение суффиксальных моделей с консонантными элементами -k- (суффиксы -ik-ъ, -ъk-ъ, -ъk-ъ, -ъk-о, -ъk-а, -iĉ-ъk-а, -ъĉ-ъk-а и др.), -c- (суффиксы -ic-а, -ъc-ъ, -ъп-ъc-е, -ъc-е, -eš-ъc-е, -iĉ-ic-а, -ъĉ-ъc-е, -en-ъc-е, -ъĉ-en-ъc-е и др.), -ĉ- (суффиксы -iĉ-ъ, -ъĉ-ĉ и др.); на другой – представлены словообразовательные модели названий видов мяса животных и птиц (среди которых модели с суф.-in-а и его расширенных вариантов, модели с суффиксами -j-, -ъsk-, -ov-/-ev- и др.); на третьей – номинативной – показаны различия в способах номинации членов этой тематической группы: однословные номинации и различные описательные конструкции: адъективная модель **Adj** (корни *baran-*, *skop-*, *ov-ъĉ-*, *ov-ъп-*, *gov-*, *vol-*, *korv-*, *gqs-*, *svin-*, *pors-*, *vepr-*, *borv-*, *biš-*, *tel-*, *jal-*) + **Subst** (*meš-o*): *baran-ъj-E meš-o*, *ba-ran-in-O*, *baran-ov-O*, *baran-ъc-ov-O*, *baran-ĉ-j-E meš-o* и др.; *skop-ъj-E meš-o*, *skop-ov-O meš-o* и др.; *ov-ъĉ-ъj-E meš-o*, *ov-ъĉ-in-O*, *ov-ъĉ-in-ъj-E*, *ov-ъĉ-ev-O*, *ov-ъĉ-ъsk-O*, *ov-ъп-ov-ъj-E meš-o* и др.; *gov-ъj-E*, *gov-ĉ-j-E*, *gov-ĉ-ъsk-O*, *gov-ĉ-j-ov-O*, *gov-ĉ-j-ъп-O meš-o* и др.; *vol-ov-O*, *vol-ъj-E*, *vol-ov-ъj-E*, *vol-ъsk-O meš-o* и др.; *korv-j-E*, *korv-in-O*, *korv-ĉ-j-E*, *korv-ъsk-O meš-o* и др.; *gqs-ъj-E*, *gqs-ĉ-j-E*, *gqs-ĉ-j-in-O*, *gqs-in-O*, *gqs-in-ъj-E*, *gqs-in-ъп-O*, *gqs-ev-ъj-E*, *gqs-ъk-in-O*, *gqs-ъk-in-ъj-E*, *gqs-ъk-ov-O meš-o* и др.; *svin-O meš-o*, *svin-ъsk-O*, *svin-j-ъsk-O*, *svin-ĉ-j-E*, *svin-ъп-O*, *svin-in-O*, *svin-in-ъп-O*, *svin-ъj-E meš-o* и др.; *pors-ĉ-j-E meš-o*, *meš-o pors-ĉ-j-E*, *pors-ъĉ-j-E*, *pors-it-j-ev-O meš-o* и др.; *vepr-ev-O meš-o*; *borv-ov-O meš-o*, *borv-in-O*, *borv-ъĉ-ov-O meš-o* и др.; *biš-ъk-ov-O meš-o*, *biš-ъk-av-O*, *biš-ъk-in-O*, *biš-ъk-ar-ъsk-O meš-o* и др.; *tel-ĉ-j-E*, *tel-ĉ-j-ĉ-j-E*, *tel-ĉ-ъj-E*, *tel-ĉ-in-O*, *tel-ĉ-ъsk-O meš-o* и др.; *jal-ov-iĉ-ъj-E meš-o*, *jal-ov-O meš-o* и др. или субстантивная модель **Subst** (*meš-o*) + **Subst** (корни *baran-*, *ov-ъĉ-*, *gov-*, *korv-*, *gqs-*, *svin-*, *biš-*, *pors-*, *tel-*): *meš-o ot-ъ baran-a*, *jъz-ъ baran-a* и др.; *meš-o ot-ъ ov-ъc-ĉ*, *jъz-ъ ov-ъc-ĉ*, *do ov-ъc-ĉ*, *do ov-ъĉ-ъk-ъ*, *jъz-ъ ov-ъĉ-ъk-y* и др.; *meš-o ot-ъ gov-ĉ-d-ъ/o* и др.; *meš-o ot-ъ korv-y*, *jъz-ъ korv-y*, *do korv-y* и др.; *meš-o gqs-i*, *meš-o ot-ъ gqs-i*, *jъz-ъ gqs-i*, *ot-ъ gqs-ъk-y*, *jъz-ъ gqs-ъk-y* и др.; *meš-o svin-ъj-ĉ*,

meš-o ot-ъ svin-bj-ě, meš-o ot-ъ svin-bj-ę, jъz-ъ svin-bj-ě и др.; meš-o ot-ъ (biš)-ę; meš-o jъz-ъ porš-ęt-e, meš-o ot-ъ porš-ъc-a, do porš-ъc-a и др.; meš-o ot-ъ tel-ęt-e, ot-ъ tel-j-ak-a, jъz-ъ tel-ęt-e, jъz-ъ tel-j-ak-a, do tel-ъc-a, do tel-ęt-a и др.).

Примечательно, что в своей критической статье С.Б. Бернштейн говорит о сопоставительном анализе именно уменьшительных суффиксов славянских языков и приводит в качестве иллюстрации выводы, к которым пришел чешский ученый проф. Б. Гавранек. «Свои рассуждения чешский ученый построил на материале уменьшительных именных суффиксов. Сначала был рассмотрен уровень историко-генетический. На этом уровне различия между чешским и русским языками оказались сравнительно незначительными. Они могут быть выявлены при сравнении данных соответствующих карт из русского и чешского национальных атласов. Совсем иную картину показали сравнения на уровне синхронно-функциональном. Здесь различия оказались весьма глубокими. По мнению чешского лингвиста, материал именно такого рода должен быть использован в ОЛА» (Бернштейн 1990: 13).

На картах, представленных в этом томе, отражен именно тот подход, о котором говорил Б. Гавранек, так как здесь эксплицирована одна из функций данных суффиксов, а именно деминутивная. Выявить же полный набор их семантических функций в атласе невозможно, ибо для этого необходим бесконечно огромный словарный материал, позволяющий выявить приоритеты в использовании того или иного суффикса.

Структурно-типологическая информация лексического уровня содержится и на мотивационных картах лексико-словообразовательной серии. Пока удельный вес этих карт в Атласе сравнительно невелик, однако число их в каждом томе увеличивается. Ценность их определяется тем, что, эксплицируя внутреннюю форму того или иного названия, они позволяют не только выявить принципы номинации реалии, но и, в отличие от этимологических исследований, прояснить причины или мотивы их возникновения. А возможность рассмотреть их в общеславянском контексте позволяет выявить некоторые типологические универсалии. Более того, публикация Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ) и Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА) дает возможность «встроить» эти карты в более широкие рамки, спроецировав их данные на материал европейских языков (ср., например, карту, посвященную названию одуванчика (*Leontodon Taraxacum*) в третьем томе ОЛА «Растительный мир»: если в славянских диалектах в его названиях чаще всего актуализируется качественно-характеризующий признак (по выделяемой на изломе стебля жидкости, ср. плс., луж., чеш., слц., слн., серб. *me|č-ъ*, мак. *me|č-ъk-a*, блр., укр., плс. *me|č-aj-ъ*), а также акторный (название как результат действия, ср. рус., блр. *ob-duv-an-ъč-ik-ъ*), то в английском и немецком языках чаще всего используется реляционный признак с семей 'подобия' (ср. англ. *dandelion*, нем. *Löwenzahn* (оба названия мотивированы формой листьев этого цветка: франц. *dent-de-lion* 'львиный зуб' > англ. *dandelion*), а во французском (*pissenlit*) – функциональ-

ный, связанный с медицинским воздействием этого растения («стандартный французский термин был заимствован в соседних немецких и нидерландских диалектах как *Bettpissser* и *Bettseicher* ‘мочащийся в постель’») (Фирек 2003: 31).

Отражение на карте всех зафиксированных в славянских диалектах названий (за исключением единичных или случайных) дает возможность увидеть реальную картину фрагмента славянского языкового мира. Репрезентируя мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры, мотивационные карты являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры.

Так, например, в шестом томе Атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию ‘первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки’. На этой карте наряду с пространственным и процессуальным мотивационным признаком (ср. *kraj-ъс-ъ*, *kraj-ъѣ-ѣ*, *kraj-išč-e*, *kraj-ък-а*, *kraj-ik-ъ*, *kraj-ik-а*, *kraj-ъѣ-ik-ъ* или *kroj-ъ*, *съ-kroj-ък-ъ*, *pri-lěp-ък-а*, *съ-lěp-ък-ъ*; *гоб-ъ*, *гоб-ъѣ-ѣ*; *na-čēt-ък-ъ*, *na-čin-ък-ъ*, *ob-ber-ък-а*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *гъѣв-их-а*, *гъѣв-иш-а*, *гъѣв-иш-ък-а*, *гъѣв-иш-ък-ъ*, *гъѣв-ък-ъ* и др.), распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах; или лексемы *рѣт-ък-а*, *рѣт-иѣ-ък-а* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских и чешских диалектов; лексема *лъб-ък-ъ*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ък-ъ*, *jan-ък-о* и др., встречающиеся в словацких и изредка в чешских диалектах). Все эти названия говорят о том, что хлеб в языке этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа – ‘подходит, растет (о тесте)’, которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу. Это существо **живет** (ср. лексемы *ži-v-e-ть*, *za-ži-v-e-ть*, *vy-ži-v-e-ть* – севернорусские диалекты), **движется** (ср. лексемы *xod-e-ть*, *xod-i-ть*, *podъ-xod-i-ть*, *възь-xod-i-ть*, *vy-xod-i-ть do-xod-i-ть*, *възь-xod-j-e-ть*, *възь-xad-j-i-ть*, *podъ-xod-j-i-ть*, *vy-xad-j-i-va-je-ть* и др. – восточнославянские, словенские и частично чешские диалекты; или *възь-jьd-e-ть*, *podъ-jьd-e-ть*, *nađъ-jьd-e-ть* и др. – македонские, частично южнорусские, болгарские и сербские диалекты; *dvig-a-je-ть se*, *oiz-dvig-ne-ть se*, *dviž-e-ть se*, *na-dviž-e-ть se* и др. – лужицкие, хорватские и словенские диалекты), **растет** (ср. лексемы *ořst-e-ть*, *ořst-ne-ть*, *na-ořst-a-je-ть*, *pod-o-ořst-a-je-ть* и др. – польские, западноукраинские, сербские и македонские диалекты) и даже **работает** (ср. *ořb-i-ть* и др. – кашубские диалекты).

Карты Атласа позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков (см., например, реконструкцию метафорических образов божьей коровки в Топоров 1999: 491; Вендина 2000: 193). Этнолингвистический подход к репрезентации материала на карте, предполагающий

объясняющую интерпретацию лингвистической карты, открыл большие перспективы перед Общеславянским лингвистическим атласом в картографической проекции языка духовной культуры славян. Расширение практики мотивационной картографии позволит отвлечься от формальных различий между диалектами и сосредоточиться на выявлении **типологии мотивационных признаков** с целью разработки “мотивационного метаязыка”, общего для всех языков мира. Следует отметить, что именно на этом пути международный коллектив ЛАЕ достиг наиболее заметных результатов.

Говоря о синхронно-типологической направленности лексико-словообразовательной серии Атласа, следует особо подчеркнуть тот факт, что карты этой серии имеют существенное предпочтение перед любым диалектным или сравнительно-историческим исследованием монографического характера, поскольку они **позволяют увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы** на территории Славии. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально ощутить **своеобразие национального языкового сознания** в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

Синхронно-типологический аспект Атласа проявляется и в том, что его материалы дают исследователю возможность «реально представить» общую картину **механизма эволюции славянских языков**. Сравнение материалов карт лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии Атласа свидетельствует о том, что в лексических и фонетических системах славянских языков процессы их дивергенции носили разный характер: если на фонетических картах мы можем довольно часто наблюдать четкое диалектное размежевание, своеобразные «разломы» на диалектном ландшафте terra Slavica (см., например, карты фонетических томов ОЛЯ, посвященных рефлексам носовых), то на лексических картах таких резких обрывов изоглосс не прослеживается, скорее здесь отражен процесс медленного разрушения праславянского единства, при котором следы прежней близости языков не только не утрачиваются, а, напротив, довольно долго сохраняются (хотя нередко и лишь в виде осколков). И эта разная картина эволюции славянских языков на фонетическом и лексическом уровне порождена кумулятивным принципом развития лексического состава каждого языка, когда новое не устраняет старое, а прекрасно «сосуществует» с ним, усложняя эту систему во времени и в пространстве.

Именно поэтому Атлас дает исследователю реальную возможность увидеть «в действии» принцип отражения диахронии в синхронии. На его лексических картах этот принцип прослеживается особенно четко, так как лексика и особенно словообразование – это системы, постепенно разветвляющиеся во времени. Несмотря на все изменения, пережитые языками в процессе развития, их словообразовательные системы (в силу своей консервативности), как правило, сохраняли модели, которые в большинстве своем обладали

высокой степенью устойчивости. В связи с этим образование нового слова происходило по готовому образцу, унаследованному от предшествующей языковой эпохи и закрепившемуся в сознании носителей языка (ср., например, карты, посвященные названиям детенышей животных и птиц во втором томе «Животноводство», на которых представлены целые вереницы слов, образованных в разное время, но по одной и той же модели, а также обобщающую карту № 79 ‘названия молодых животных и птиц’, репрезентирующую территориальную дистрибуцию этих словообразовательных моделей). Генерализуя информацию, содержащуюся на каждой отдельной карте, эта обобщающая карта эксплицирует не только ареалы разных моделей, но и выявляет степень их продуктивности, так как чем активнее в прошлом была та или иная словообразовательная модель, тем шире ее ареал в настоящем, подтверждением чему служит ареал суф. -ѣ, охватывающий практически все западно- и южнославянские диалекты, а также частично белорусские и украинские.

В этом отношении подобные карты полностью отвечают требованиям, предъявляемым структурно-типологическим подходом к интерпретации материала, о котором говорил С.Б. Бернштейн.

Синхронно-типологическая ориентация Атласа просматривается и в том, что его материалы дают возможность обратиться к **изучению типологии ареалов**, их величины, конфигурации, иерархии и задуматься над закономерностями, действующими в лингвистическом пространстве, а именно над такими лингвоареальными явлениями, как системность ареала (когда на огромном географическом пространстве наблюдается последовательное распространение одного и того же рефлекса или одной и той же лексемы, см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома “Животный мир”: карта №1 ‘зверь’, к. № 9 ‘ласка’, к. № 10 ‘еж’, к. №11 ‘заяц’ или карты, посвященные рефлексам носовых и редуцированных, в частности, в восточнославянских диалектах, демонстрирующих удивительную монолитность диалектного ландшафта и однотипность рефлексов) и противоположная ей асистемность, размытость ареала (когда на сравнительно небольшой территории наблюдается огромное разнообразие рефлексов или высокая концентрация разнолексемных номинаций (ср., например, словенские диалекты, где чаще всего наблюдается такая ситуация, которую можно сравнить, пожалуй, с эффектом “прибрежных волн”).

Материалы Атласа позволяют **определить специфику** современного состояния **диалектного ландшафта Славии**. Лингвистическое картографирование свидетельствует о том, что ареалы, выявляющиеся на картах Атласа, отличаются не только своей конфигурацией и местоположением (островной, центральный, маргинальный, контактный, дистантный), но и своими существенными характеристиками. Даже так называемые «чистые» ареалы (в которых отсутствуют существенные диалектные различия), а тем более «мозаичные» (степень дифференциации которых так высока, что изоглоссы также не выявляются) являются свидетельством тех сложных внутрдиалектных про-

цессов, которые и определили специфику этих ареалов.

Заканчивая свои критические заметки, С.Б. Бернштейн пишет: «На первый взгляд, проект ОЛА в какой-то степени осуществлен. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же итоги здесь неутешительные».

Думается, что этот излишний пессимизм С.Б. Бернштейна опровергается самой работой международного коллектива лингвистов.

Несмотря на то, что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать семь томов фонетико-грамматической серии – «Рефлексы *ѣ» (Београд, 1988), «Рефлексы *е» (Москва, 1990), «Рефлексы *о» (Warszawa, 1990), «Рефлексы *ъ, *ь, *ь, *ь» (Warszawa, 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006), «Рефлексы *о» (Москва, 2008) и шесть томов лексико-словообразовательной серии («Животный мир» (Москва, 1988), «Животноводство» (Warszawa, 2000), «Растительный мир» (Минск, 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), «Человек» (Kraków, 2009), и это при том, что в 80-х годах публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера (связанные с выходом болгарской национальной комиссии из Атласа), преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать лет (подробнее об этом см.: Иванов 1993: 315).

В настоящее время во всех странах-участниках этого международного проекта ведется работа по подготовке к печати очередных томов Атласа – лексико-словообразовательной серии («Сельское хозяйство», «Степени родства», «Гигиена и медицина», «Народная техника и транспорт», «Народные обычаи» и др.) и фонетико-грамматической («Рефлексы *е», «Рефлексы *а», «Рефлексы *i, *y, *u», «Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt», «Местоимения», «Существительные» и др.).

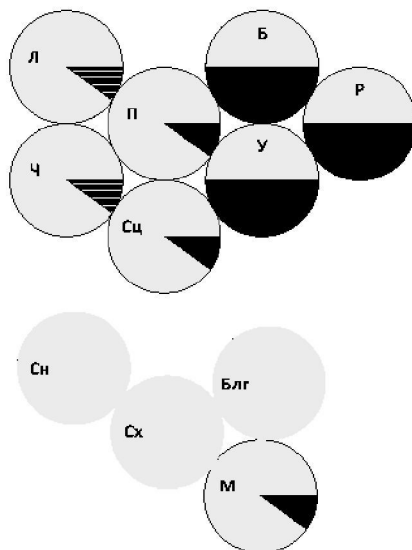
Однако уже сегодня можно сказать, что информация, содержащаяся на картах Общеславянского лингвистического атласа, свидетельствует против скептического отношения С.Б. Бернштейна к возможностям успешной реализации этого проекта.

Материалы Атласа являются ярким свидетельством того, что ОЛА дает возможность не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения современных славянских диалектов, выявления типологических особенностей их исторического развития.

Атлас, бесспорно, явится прочным фундаментом не только для новых сравнительно-исторических, но и синхронно-типологических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1978 – *Аванесов Р.И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958-1978). Итоги и перспективы // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Бернштейн 1993 – *Бернштейн С.Б.* Представление первых томов Общеславянского лингвистического атласа научной общественности Москвы // ОИА Материалы и исследования. М., 1993.
- Вендина 1988₁ – *Вендина Т.И.* К вопросу о типологическом сходстве и различии славянских языков на уровне словообразования // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1984. М., 1988.
- Вендина 1988₂ – *Вендина Т.И.* К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1984. М., 1988.
- Вендина 2000 – *Вендина Т.И.* Мотивационный признак в лингвогеографическом пространстве Общеславянского лингвистического атласа // Јужнословенски филолог LVI/1 Београд, 2000.
- Вендина 2009 – *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.
- Вендина, Калнынь 1988 – *Вендина Т.И., Калнынь Л.Э.* Отношение рефлексии *ѣ к ударению // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. I Рефлексы *ѣ. Белград, 1988.
- Иванов 1993 – *Иванов В.В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Ивич, Логар, 1988 – *Ивич П., Логар Т.* Влияние вокального количества на рефлекс *ѣ // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. I Рефлексы *ѣ. Белград, 1988.
- Ивич, Логар, 1990 – *Ивич П., Логар Т.* Влияние вокального количества на рефлекс *ѣ // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а Рефлексы *ѣ. М., 1990.
- Пожарицкая, Попова 1990 – *Пожарицкая С.К., Попова Т.В.* Влияние консонантного окружения на рефлекс *ѣ // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а Рефлексы *ѣ. М., 1990.
- Топоров 1999 – *Топоров В.Н.* Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- Фирек 2003 – *Фирек В.* Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры // ВЯ, 2003. № 5.
- Ivić, 1983 – *Ivić P.* Faktori koji uticu na razvoj vokala u slovenskim jezicima // Јужнословенски филолог, XXXVIII. Београд, 1983.
- Ivić, Logar, 1990 – *Ivić P., Logar T.* Влияние вокального количества на рефлекс *ѣ // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 2б Рефлексы *ѣ. Warszawa, 1990.

Схема 1. Функциональный объем суф. = nik_1 .Схема 2. Реализация значения лица суф. = nik_1 .